

Заведомо ложных измышлений, как называется первая книга Александра Кабакова, в этой беседе будет предостаточно, так что не обесцудьте. А речь пойдет о его новом романе «Сочинитель», который публикуется в юльской книжке «Искусства кино».

Два года назад в том же «Искусстве кино» был отыскан и прочитан широкой публикой его «Невозвращенец» — «и тут же радио «Свобода», и безумная мировая тусовка, круто, конечно, и поздравляло: мне было почти сорок шесть».

А мне кажется, «Невозвращенец» ждали. Ему даже обрадовались, обмирая от ужаса. Он оправдал наши наихудшие ожидания. Потрафил некоему мазохистскому комплексу, который сидит в каждом из нас — в ком на поверхности, в ком глубоко, так что уже едва различим: в этой стране ничего хорошего быть не может, что ни делай, сколько ни старайся. Иначе... иначе слишком много жизней было бы проиграно. И так велико искушение махнуть на нее рукой, как бы отвязаться — вырваться к нормальной, другой жизни. Не здесь, но там.

Короче, если бы Александр Кабаков летом 88-го «Невозвращенец» не написал, его следовало бы выдумать.

А потом все начало сбываться...

— Вас это не пугает?

— Что именно?

— Ну вот это — то, что вы пишете, становится реальностью?

— Конечно, надо быть осторожней, стараться, чтобы тебя правильно поняли, — не навредить. Тем более в нашей стране. Это же безумная страна, здесь к литературе относятся как к религии, как к непосредственной науке побеждать. Никто литературу не воспринимает как развлечение, почти никто. Это немилосердно.

От этого у сочинителя (больше всего люблю это слово) развивается непомерный комплекс ответственности. Ну вот я, может быть, искупаю свою вину тем, что не уезжаю, ежели что случится, так не в последнюю очередь со мной, поскольку засветился дальше некуда... Но, с другой стороны, если так ставить вопрос, то вообще литературой заниматься не стоит, потому что у нее есть способность таинственным, непостижимым для нас образом продуцировать жизнь. Бытовало такое выражение во времена моей молодости, как бы циничное, ироническое как бы: «Любовь поэты выдумали». А я думаю, в этой лихой фразе заключен глубокий смысл — то, о чем мы говорим как о любви сейчас, в нашей с вами стране, возникло после Пушкина, после Лермонтова, после Карамзина, а то, что связывало мужчину и женщину до них, было нечто совершенно другое... Ладно, о любви потом.

С «Невозвращенцем» же вообще все вышло не по-моему. Я «Невозвращенец» просто хотел свести по свежим следам счел с КГБ, который меня вербовал. Но все это как бы вообще не прочли, а прочли только линию будущего.

Линия эта сложилась так. По своему опыту знаю, что от этого дела, от вербовки то есть, хочется полететь в петлю. Начать совсем круто пить. Эмигрировать... Что здесь и делали сплошь и рядом. В любом случае ему (герою) надо от них бежать. Но куда? Дальше я конструировал. В петлю и пьянство мне не хотелось, потому что, как уже сказал, к тексту отношусь суеверно. Остается эмиграция. Показать же надо было, что эмиграция — трагедия. Это я уже тогда очень хорошо понимал, хотя и не ездил еще. Но очень трудно советскому человеку осознать эмиграцию как трагедию. Все там нормально, в порядке, с голода никто не помер, непонятно, чего эти ребята там маются. А ведь маются. Как объяснить? Тогда я просто придумал вариант эмиграции заведомо страшной. Это эмиграция в гражданскую войну.

Можно было путешествовать в прошлое, но прошлое ведь известно чем кончилось. Неинтересно. Значит — в будущее. Шел 88-й год, уже начиналась «демократизация», которая, как известно, отличается от демократии так же, как канализация от канала. И уже видно было, к чему мы можем приплыть. В общем, я оглянулся по сторонам и прикинул — в конце концов эти люди могут получить в руки оружие, и начнется. Сумгаит уже был, после него легко

Александр КАБАКОВ:

СМЕЛЫЕ СКАЗКИ ДЛЯ СИЛЬНО НАПУГАННЫХ ВЗРОСЛЫХ

можно условно назвать моими «хэппи-эндами»...

Что ж это мы все о «Невозвращенце» да о «Невозвращенце». Обещали ведь о «Сочинителе».

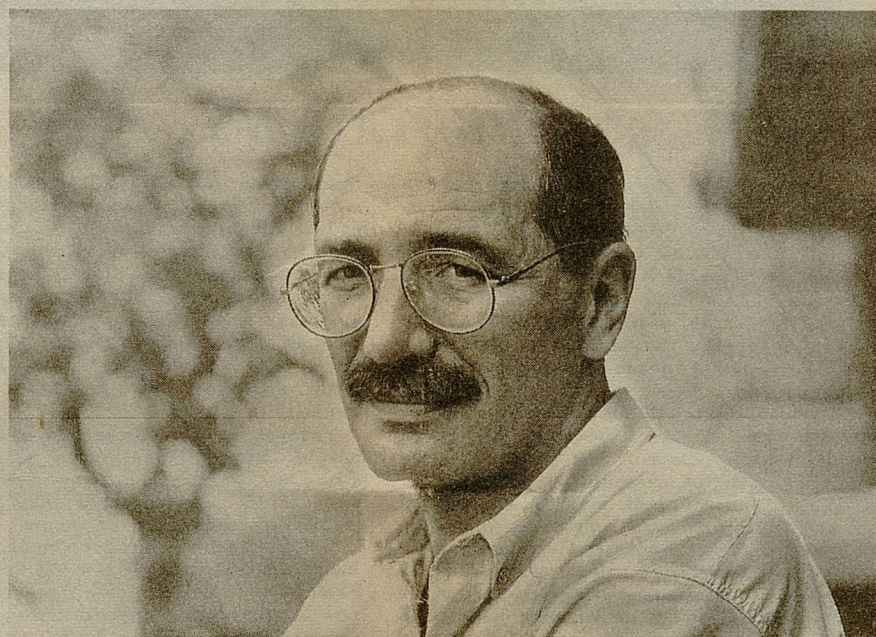
Погодите, будет и о «Сочинителе». Только сначала — об искусстве кино и о Западе, о Ремарке и о Хемингуэе, о стилягах и почвенниках. Так вот, об искусстве кино...

— Знаете, откуда эта моя подсознательная, а может быть, и сознательная ориентированность на кино, а еще конкретнее — на видео, которая в конце концов проявилась в том, что почти все, что я сочинял, связано с коммерчески-

возрасту. В джентльменский набор моих пристрастий входят еще фотография как искусство, западная литература, тряпки...

— Но вы же не можете утверждать всерьез, что вы не российский человек?

— Вот это важно. Теперь случилась любопытная вещь. Смотрите, что произошло с многими людьми, которые любили Россию и не любили поэтому Советский Союз. Они сегодня не могут сойтись с Россией, отделившись от «совка». Россия для них срослась с Союзом, и возник эффект нашего, отечественного национал-социализма. В чистом виде национал-социализм: с одной стороны, они движимы национальной идеей,

с другой — смыкаются с коммунистами. Феномен Шафаревича — берем по самому высокому счету. Казалось бы, он по всей своей жизни был против большевизма, а теперь — может, вынужденно? — оказывается в одной связке с самими «твердокаменными», вплоть до РКП... И, напротив, рафинированный западник из стилист Василий Павлович Аксенов — и вот его последний приезд, беседа с Виктором Ерофеевым. Сколько любви к России, тоски от того, что в той жизни все есть, не хватает только России. Одно дело быть московским «штатником», другое — москвичом в Штатах.

Я люблю Запад тот, никогда не виданный, Запад моей молодости. Ремарковский. Хемингуэевский. А его больше нет, он сейчас другой, совсем другой. И на этом Западе мне скучно, он не мой — я не могу бегать трусцой, бросать курить, постоянно обсуждать способы безопасного секса и — как кульминация всего — будучи мужчиной, участвовать в феминистском движении. Они ведь все это время не играли «в Запад», а нормально развивались, и от общества, как это у нас называлось, «сведозволенности» пришли к моральным запретам, традиционным ценностям, к такому обществу нового консерватизма. Это для нас любовь к Западу всегда была игрой, вы понимаете? Я боюсь этого сравнения, но все-таки — когда мальчишками мы играли в войну,

только очень глупые постоянно хотели играть «за наших», с фантазией предпочитали за немцев — это поле больше давало для игры...

О «Сочинителе». Берусь утверждать, что Александр Кабаков предпринял неосознанную, а может быть, и сознательную попытку написать «Трех товарищей» времен перестройки. Помилуйте, скажет тот, кто прочтет, если прочтет, что ж общего между тремя сомнительными личностями, невестой как оказавшимися на Западе и втянутыми в страшноватенькую историю на нашей, на отечественной почве, о которых и сочиняет то ли роман, то ли сценарий Сочинитель (такова фабула), — и благородными героями Ремарка? Да то и общее, что, помыкавшись по судьбе, не сохранили они веры ни в отечество, ни в человечество, а лишь в любовь к женщине, которую им дано спасать, ну и еще в своеобразный жестковатый кодекс рыцарства в отношениях друг с другом. Даже в тех обстоятельствах, в которые ввергает их Сочинитель. А что обстоятельства эти круты и кровавы, так и время у нас какое на дворе...

«Сочинитель» — это версия, как и «Невозвращенец». Но если «Невозвращенец» был версией ближайшего будущего, то «Сочинитель» — недавнего прошлого. В центре этой фантастической истории наш крупный политик, впрочем, появляющийся лишь в одном эпизоде. Но вся она закручена вокруг него. Скажем прямо: речь идет о неудачном покушении на лидера, якобы имевшем место. Но поскольку оно и выдуманно неудачным, может, оно и было? А мы об этом пока не знаем, возможно, и никогда не узнаем. У нас ведь страна с непредсказуемым прошлым, которое, может, тоже нечаянно предсказалось «Сочинителем», как нечаянно предсказалось будущее «Невозвращенцем». Если помните, Невозвращенец был экстраполятором — то есть человеком, продававшим в будущее тенденции настоящего, развившиеся строго по законам линейной логики. А Сочинителя можно было бы назвать экстраполятором в прошлое. То есть по законам той же линейной логики он для событий настоящего создает причины в прошлом.

Политик в «Сочинителе» — это властитель переходного периода, с таким человеческим типом нас история знакомила уже не раз. Думаю о них, я всегда вспоминаю памятник Хрущеву на Новодевичьем, гениально придуманный Невзвестным. Двойственность — я бы даже сказал, раздвоение — таких личностей дает возможность тем, кто желает управлять правителем, играть то на его светлом поле, то на темном. Одни рассчитывают на естественное честолобие, обещая место в истории, другие используют тоже вполне человеческое, даже бытовое — страх. Это последний аргумент: либо делай по-нашему, либо... И история подсказывает университетски образованному человеку варианты конца тех, кто поспорил с боярами... А мы все гадаем: ну, почему вдруг так резко меняется наша верховная политика? То влево, влево, бац — вправо... То вправо, дальше почти некуда, и опять влево... Сочинитель в силу любви к авантюрному жанру предпочитает авантюрное же объяснение очередному такому повороту.

А нам дай Бог, чтобы Политик переиграл всех в нашу пользу.

И хватит о политике. Я писал роман о любви, а он, боюсь, будет снова прочитан только как политический. Я же, настаиваю, прежде всего писал вечный

московский сюжет — историю любви двух очень занятых, очень уже, увы, взрослых людей. Даже не историю, а состояние любви. По-английски взрослые — «adults». От этого же корня слово «адюльтер».

Итак, состояние адюльтера. Сразу же логично возникает вопрос: следовательно, герои если и не аморальны, то находятся в аморальной ситуации? Пожалуй, это и есть самый важный вопрос, на который пытаюсь ответить и сам Сочинитель, и его автор. Есть заповедь «не убий», а есть «не прелюбодействуй». Мысль кощунственная, но ничего не могу с собой поделать: чувствую, что плотская любовь есть как бы кривой и дрожащий, неуверенный, часто по грязи, но все-таки путь, шаг на пути к христианской любви. По крайней мере — не от нее. В нашем обществе это особенно важно: поиск морального пути выхода из аморальной ситуации.

Не случайно в конце концов Сочинитель вступает в полемику с самим Оруэллом. Великий автор «1984» заставил любовь сдаться страшному давлению системы, а героя — предать любимую. «Не меня! Джулию! Мне все равно, что вы с ней сделаете», — кричит он, когда дело доходит до самой страшной пытки. Что ж, вероятно, Оруэлл был прав. Будучи фантастом, он был реалистом. Но бывают фантасты и романтики. И таков мой Сочинитель, который предлагает под пытку себя вместо любимой, когда его фантазии начинают сбиваться и оборачиваться против него уже в самом романе... «Меня, а не ее», — настаивает он. То есть поднимает себя до жертвы истинной, делает упомянутый шаг. Вот вам и аморальность любви.

— Еще раз про любовь. И еще раз про политику... И это все о нем — я имею в виду о «Сочинителе»?

— Нет, на самом деле «Сочинитель» прежде всего о самом сочинительстве. Теперь, если вы позволите, я вам расскажу такую историю. Допустим, живет человек, жаждущий... ну, денег. А взять негде. Как-то не зарабатывается. Наследства не ожидается. Воровать или грабить грешно да и страшно. Но страсть ведь! Что же делать? Но, допустим еще, что этот человек умеет складывать слова на бумаге, как принято было говорить — владеть пером. Вот тогда есть выход. Появляется «граф Монте-Кристо», или «Остров сокровищ», или «Пиковая дама»... Или «Преступление и наказание» дама...

— Или «Скупой рыцарь»?

— Ну, это скорее о жажде сохранить, чем получить, чуть-чуть другое. Прошу прощения за ряд великих имен, но мне это было необходимо для того, чтобы прояснить свое отношение к сущности предмета.

Но какая же страсть терзает обычного нашего человека сильнее всего? Я уверен — страх. Собственно, мы, советские люди, как психологический тип и были созданы страхом, эта доминанта в нашей психологии и поддерживалась профилактически и сейчас поддерживается — старательно. Вот почему все, кого я придумал — не только Сочинитель и Невозвращенец, — одержимы страхом и стремятся освободиться от него.

Берешь чистый лист бумаги, вставляешь в машинку — и становишься смелым и свободным.

Смелые сказки для сильно напуганных взрослых, надеюсь, полезная вещь.

Беседу вела
Елена ЯКОВИЧ

Фото Александра КАРЗАНОВА